

Есеевичева Тамара Петровна.

Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..." "

Как счастье возносит, так беда

Смиряет и в познание себя

приводит человека.

Святитель Тихон Задонский

XVIIIв.

ВОСПОМИНАНИЯ

Я появилась на свет в феврале 1940 года. Папа в это время работал слесарем на заводе слесарем на заводе «Красная Нить». У меня был брат Виктор на 3 года старше меня, а в марте 1941 года родился Саша.

Когда началась война, отца оставили работать на заводе по брони. Виктора и меня хотели эвакуировать, но в поезд (под Лугой) попала бомба. Витя с другими детьми вернулся домой, а меня, по его словам, взяли в больницу «с больным животиком», а мое белое пальтишко было надето на другой девочке.

Мама искала меня, но безрезультатно. Она думала, что я умерла.

Первым в нашей семье умер Сашенька, от голода у мамы кончилось грудное молоко, а в марте 1942 года умер папа от раны в ноге. В свободное от работы время рабочие завода рыли окопы вокруг Ленинграда, тогда его и ранило осколком бомбы. Витя рассказывал, что папа перед смертью целый день ждал маму, когда она принесет с работы суп, но не дождался, умер. Мама после смерти Саши работала на железной дороге обходчицей путей. На железной дороге паек был намного больше, чем на заводах, и еще там был круглосуточный детский сад. Детей там работники дороги могли оставить на любое время, т.к. им приходилось часто выезжать в пригороды Ленинграда на расчистку путей после бомбежки, иногда даже на неделю и больше.

В 1942 году дом на Старо-Орловской улице сгорел (попал снаряд), и мама получила комнатку на улице Мира в доме 6-11. Можно было взять комнату с балконом, но нечем было топить! Когда мама возвращалась с работы, она дрова, которые ей давали на железной дороге, несла на себе и топила печь-голландку. После войны построили во дворе сарай, паровое отопление провели только в 1965 году. В 1956 году мама родила дочь Галину от раненого бойца, с которым познакомилась в госпитале Военно-медицинской академии. Боец был родом из Сибири и звал маму с собой, но она не поехала и, работая на двух работах, воспитывала двух детей.

Меня же в 1942 году эвакуировали в город Уржум Кировской области сначала в дом малютки, а потом перевели в детский до N2 им.Калинина.

В доме малютки у меня была собственная игрушка – красивый кувшинчик. Его подарил мне летчик. Все дети тогда получили игрушки. Когда дети уходили гулять, я оставалась одна (у меня все время болели уши). Вот и вздумала я налить в кувшинчик воды и поставить его в печь. Конечно, кувшинчик развалился, и я ждала наказания. Но, к счастью, никто ничего не заметил.

В 1946 году я оказалась совсем недалеко от дома Малютки, на той же улице, в детском доме, в котором воспитывалось примерно 100 детей.

И опять попала я в изолятор с больными ушами. Там же лежала, не вставая, не разговаривая, девушка лет 18, Лида. Она не сердилась, а все только смотрела. У нее был туберкулез костей. И еще был маленький мальчик Валерик, наверное, ему было лет 7. Мы с ним, когда уходила медицинская сестра, много играли, шалили, играли в ловушки, в прятки. Однажды разбили графин. Может быть из-за этого случая меня перевели в основную группу. Но долго еще медицинская сестра находила меня и лечила мне уши. В изолятор больше я не заходила, но однажды в подвале, куда я зашла, чтобы прополоскать белье, я увидела прислоненный к стене подвала маленький гробик, и меня охватил ужас, так как я поняла, что это гробик для Валерика. Потом медицинская сестра мне сказала, что и Лида умерла.

И сейчас помню их, как живых, и мне до слез их очень жалко. Никто из детей, кроме меня, не знал их.

Два раза меня хотели удочерить: сначала зам.директора детского дома пожилая Елизавета Ивановна, но жила она очень- очень бедно. Помню, как несколько раз водила она меня на городской рынок и пыталась угостить стаканчиком бобов. Но цены были для нее так высоки, что рука ее с мелочью опускалась обратно в карман, а мы шли дальше. Она собиралась выйти на пенсию, а жила одна, вот и хотела, чтобы кто-то был рядом.

Второй раз меня привезли в какую-то деревню, и среднего возраста муж и жена угощали меня щами с мясом! Щи были взяты прямо из чугунка, стоявшего в печи. И

хотя кормили меня хорошо, но мне было очень скучно без детей, к которым я очень привыкла и меня (слава богу!) оставили в детском доме.

Конечно, кормили нас в детском доме не очень сытно после войны, и, стоя в очереди в столовую, часто почти до обморока от запахов съестного, особенно жареной картошки, у меня сильно кружилась голова, но за спиной была стена, на нее можно было облокотиться, чтобы не упасть. Некоторые дети ходили по помойкам, сушили гнилую картошку, как бы делая крахмал и ели. Но мне хватало еды в столовой.

Постепенно питание улучшалось, становилось вкуснее, обильнее. А по праздникам пекли вкусные торты, давали орехи. Однажды несколько мальчиков сбежали из детского дома. Их поймали, наказали. Они в отместку подожгли сарай. Было это ночью. Нас сонных вывели за ворота. Зрелище было жуткое. В сарае запасали много сена, т.к. держали корову, и это сено вспыхнуло как свечка, такое огромное пламя было! Сарай сгорел дотла. Корову успели вывести из сарая. Мы от страха дрожали.

Выглядела я намного старше своих лет. Сидела я как-то у окна спального корпуса, подперев рукой голову, и смотрела на большой, совершенно пустой после пожара двор. Вдруг появился незнакомый мужчина и от ворот направился прямо ко мне. «Девочка, хочешь играть в театре? – спросил он меня. Я пожала плечами, и он позвал меня за собой.

Оказывается, в Уржум был эвакуирован какой-то театр из Ленинграда. Этот мужчина работал режиссером театра. Он решил поставить в нашем детском доме спектакль «Репка». Сценарий был очень интересный, с походами главных героев за живой водой.

Спектакль удался. А мы потом часто ходили в городской театр, смотрели «Аленький цветочек», «Зою Космодемьянскую» и др. спектакли. Позже в городе появился кинотеатр, а в городском саду часто выступал духовой оркестр.

К нам в детский дом часто приходили ученики музыкальной школы и играли. До сей поры звучит в голове «Жаворонок» на скрипке.

В Уржуме была очень красивая церковь, ее было видно за несколько километров от города. Нам, воспитанникам детского дома не разрешали туда входить. Но церковь притягивала меня. Однажды я вошла в церковь и была ошеломлена сиянием свечей, икон, люстр. А пол был покрыт черной зеркальной плиткой, в которой отражалось все это великолепие. Я побоялась сделать даже шаг и, немного постояв, вышла из церкви.

И все же кто-то увидел меня. Сразу же меня вызвали на собрание, проработали, а в качестве наказания лишили обеда.

Мне это очень показалось обидным, и решила я бежать из детского дома. Пошла на железную дорогу и села в товарный самый последний вагон поезда. Сидела я на задней открытой площадке поезда и уже далеко отъехала от города, как вдруг подумала, куда же я еду, кто меня ждет, и зачем я еду?

Когда поезд пошел в гору и замедлил ход, я спрыгнула в траву, несколько раз перекатилась по склону, и все обошлось благополучно, без травм. Долго шла я назад. Уже стемнело, когда я пришла в детский дом. К счастью, никто не заметил ни того, что меня не было на ужине, ни моего долгого отсутствия.

Летом все дети ходили босиком. Как-то раз во время прогулки по лесу в мою пятку вонзился большой ржавый гвоздь. Долго прыгала я на одной ноге, пока не набралась храбрости, прислонилась к сосне, закрыла глаза и обеими руками, схватив гвоздь, вытащила его. Через некоторое время мы поехали на экскурсию в город Советск Кировской области. Меня не хотели брать, так как со мной часто что-нибудь случалось: то во время чинного шествия парами по мосту через реку ветер срывал с меня панамку, и я со всего размаху бросалась за ней в реку, и меня останавливали, так как река была глубокая, и там даже однажды утонула лошадь, а я еще не умела плавать; то, когда мы парами проходили около стада коров, именно за мной помчался огромный бык, и я неслась от него без памяти, пока кто-то меня не поймал. Я тогда была в красном платье в белый горошек. Вот и в городе Советске все дети ходили смотреть достопримечательности, потом в гости к детям школы, куда нас поместили, когда мы приехали, а я сидела в спортзале подвального помещения и смотрела на ноги прохожих людей из узкого окошечка, потому что

именно в этот момент у меня болела нога, и я не могла ходить из-за нарыва на пятке от ржавого гвоздя, пока этот нарыв не вскрыли.

В конце учебного года всем детям делали подарки. Эти подарки были расставлены на полках кабинета завуча Августы Васильевны (она тайно курила и, чтобы не было запаха, полоскала рот одеколоном). Еще она смешно ставила ударения на слове «Портфель». Среди подарков была огромная красивая кукла с длинными локонами, их можно было расчесывать, и с синими глазами. Как и другие дети, я часто заглядывала в окна кабинета завуча (на первом этаже) и мечтала об этой кукле. И каково же было удивление и радость, когда эту куклу подарили мне!

На несчастье, через несколько дней меня послали в компании с 12 мальчиками в санаторий (под городом Киров) лечить стригущий лишай, который я подхватила из-за излишней любви к Жучке-собаке. Метод лечения заключался в том, что голову облучали рентгеновскими лучами, а потом волосы выдергивали (как сорняки) и мы становились лысыми! Затем голову лечили мазями.

Никогда до санатория не видела я грубых девочек. Они ругались, били меня компанией, шрам от их битья остался у меня на груди на всю жизнь. Ночью было еще хуже: в спальню врывались мальчики и носились по кроватям в погоне за девочками. Я спасалась под кроватью.

В санатории у меня был покровитель, Славик. Часто он меня подкармливал: в темном коридоре, за шкафом передавал то морковку, то булочку, то конфету или кусочек сахара. В открытую было нельзя: обязательно кто-то подкарауливал и отнимал еду.

Днем мы бегали по полям. Видела я как очень красиво цвел лен синими цветами, а поле гречихи было покрыто розовыми с дурманящим запахом цветами, а рожь была золотая, а сквозь нее просвечивали синие-синие васильки. И небо было такое же синее.

Лечение прошло почти у всех успешно. Только у одной девочки не выросли волосы. Было ее очень жалко.

Когда мы вернулись в детский дом, увы! Моя кукла куда-то пропала.

В школе семилетней, где я училась, учителя были замечательные, всегда готовы были помочь, относились к ученикам как к друзьям.

По литературе Бахтина Агния Васильевна так интересно рассказывала, организовала нас на доклады по международному положению. С ней не хотелось расставаться.

Математику преподавала Повествовалова Прасковья Ивановна. Я пришла к ней в 4-ом классе, и с той поры училась без троек, т.к. она привила нам любовь к математике.

Ботанику вел Верещагин Николай Иванович так, что половина класса оказалась в его кружке: выращивали летом на школьном участке лучшие сорта зерновых культур, декоративную капусту и даже вырастили арбуз – диковинку для Кировской области. Все кружковцы 1-ый раз в жизни попробовали настоящий арбуз!

Был в школе и фотокружок.

С 1-го класса все дети были октябрятами, с 4-го класса – пионерами, а в 7-ом классе многие вступали в комсомол.

Наш девиз был –«Хорошо учиться, помогать отстающим!». И еще мы собирали лекарственные травы, летом – аптечную ромашку, весной – березовые почки. Березовые почки было очень трудно собирать из-за обилия снега, до берез добраться была большая проблема. Травы мы безвозмездно сдавали в аптеку города.

В седьмом классе мне предложили стать секретарем комсомольской организации. Мы, комсомольцы, взяли обязательство учиться без троек. Учеба рассматривалась как обязанность детей, как помощь государству. Правда, выполнить это обязательство мы не могли: у Вали Антышевой из четверти в четверть была тройка по математике, не давалась ей математика, и ничего тут нельзя было сделать! Другое наше обязательство – шефство над домиком Сергея Мироновича Кирова, в нем жила его сестра. Мы убирали двор, пилили и кололи дрова, носили воду из колодца в дом, и выполняли разные поручения.

И, конечно, продолжали собирать и сдавать в аптеку лекарственные травы.

О работе нашей комсомольской организации даже была напечатана статья в местной газете. Мы чтим Ленина; Сталина считали своим отцом. На пятидесятилетие послали Сталину в Москву подарок – полотенце, вышитое филейным узором и лебедями, плывущими по голубому озеру, окаймленному камышами. Когда умер Сталин, весь город был в трауре. На Советской улице собрался народ на митинг. Все рыдали, как по родному отцу.

В детском доме мы многому научились: вязать, шить и вышивать нас научила Мария Яковлевна, украинка. Мы вышивали скатерти, блузки, полотенца, очень красиво платки носовые. Себе на руках сшили и выпускные, и летние платья. Умели мы стирать, убирать помещения и двор, ухаживать за цветами, выполнять подсобные работы на кухне, фотографировать.

После окончания семилетней школы почти все дети поехали в г. Киров и поступили в ремесленное училище. И только мы, 6 девочек, под большим влиянием ботаника Николая Ивановича, захотели стать агрономами и в 1954г. поступили в сельскохозяйственный техникум (поселок Савали Кировской области).

Два года учебы в техникуме прошли незаметно. Нам, девочкам из детдома выделили комнату на 6 человек. Окна комнаты выходили в сад. Моя кровать с тумбочкой была у окна (одна в комнате), и вдруг в окне появилась старая цыганка.

У меня от испуга случился шок. Она спросила меня, нет ли у меня денег. Но денег не было, Тогда она спросила хлеба. А нам каждый день выдавали 800 грамм черного хлеба. (Стоило это 1 рубль старыми деньгами. Стипендия была 140 рублей, из них мы 10 отдавали на обязательную подписку - облигации займа, сахар и белый хлеб давали (продавали) только по праздникам, а питались мы в столовой: каша молочная стоила 7 копеек, суп – 11-15 копеек, у местных жителей можно было купить молоко). Как раз я только что получила этот хлеб. Как замороженная, я отдала этот хлеб цыганке. Она взяла мою руку и нагадала мне, что я найду родителей и перееду в большой город. Самое удивительное – то, что ее предсказание сбылось.

Еще в детдоме дирекция вела работу по розыску родных детей. В 4-ом классе нашлись родители у Толи Дворянчикова, он сидел со мной за партой и часто дергал меня за косички. Тогда же нашлись родители у моей любимой подруги Альбины Сальниковой 7-ом классе, нашлись родители у другой моей подруги – Нины Куклиной.

У всех девочек, с которыми я училась в техникуме, нашлись родственники, и на летние и зимние каникулы они уезжали к ним. Одна я оставалась в техникуме с Капой Огарковой на зимних каникулах.

В каникулы печи не топили (я в то время еще не умела колоть дрова), и мы лежали с Капой в одной постели, чтобы не замерзнуть. Столовая, правда, работала, но не было денег. Не знаю, как я выжила. Конечно, помогали окружающие. В столовой работала тетя Соня, молодая красивая женщина с темными густыми косами и синими глазами. Она отпускала нам пищу в долг. Она была татарка. Женщины, которые продавали молоко, тоже продавали в долг. Они были марийцы по национальности. Лиле Монтик часто родные посылали посылки из Белоруссии с салом. Это сало мы с ней в печке топили и ели с хлебом. Было очень вкусно. Подкармливала меня и учительница математики Валерия Ильинична (у нее было 2 детей), и после обеда она давала мне мешочек с соевыми пряниками. Она-то и подала документы на розыск моих родителей. Но она со 2-го курса учебы уволилась из техникума. А техникум из Савалей перевели в г. Халтурин Кировской области, и весь наш курс перевели на отделение бухгалтеров. Для меня это был удар! Ведь я хотела стать садоводом или агрономом. Хотела бросить техникум, но подруги уговорили, и я окончила его, но пошла работать на завод, выучилась на токаря. Учила меня женщина, которая всю войну простояла за станком. Но кроме нас с ней в цехе работали одни мужчины, и нам давали самую рутинную и низкооплачиваемую работу – болты и гайки - работали в 3 смены. Ночью я засыпала над станком. Однажды ночью над моей головой загорелись провода – от страха я понеслась из цеха, пока меня не остановил вахтер у проходной. В общем, токарь из меня получился никудышный. Да и от эмульсии, которую применяли для охлаждения детали при ее обработке на станке, у меня началась экзема рук. Врач мне вылечила руки, но дала справку на смену работы.

Работала на граверном станке (успешно), а вечером училась в 9 классе. Как-то сидели мы вдвоем с подругой Раей Гребенщиковой в комнате общежития г. Вятские Поляны при заводе, в котором мы работали. С Раей мы дружили, вместе питались. Прежние подружки оставили Раю, когда у нее обнаружили туберкулез легких. Через год врачу удалось вылечить Раю.

За окном метель, сильный ветер. Вдруг – стук в дверь, и к нам весь в снегу пришел милиционер. Он разыскивал, оказывается, меня сказать, что у меня нашлись мамы, сразу 3. У одной девочки должен быть шрам от аппендицита – у меня шрама не было, у второй девочки большое родимое пятно на спине – у меня тоже его не было, а у третьей девочки – что она из Ленинграда – и это совпадало с моими данными.

Поблагодарила я милиционера, написала маме письмо, приехала – и мама сразу меня признала, т.к. я очень сильно походила на брата Витю. Соседи по коммуналке приходили к нам и очень удивлялись моему с братом сходству.

Про блокаду мама рассказывала, что на улицах было чисто. В магазинах был порядок. Если давали карточки, то удавалось их отоваривать. Единственная с ней случилась беда, когда она шла отоваривать карточки, то встретила двух мужчин, и что они говорили, она не помнит, но помнила, что сама открыла сумку и отдала им карточки на себя и Витю на целый месяц. Когда она пришла домой и опомнилась, она чуть с ума не сошла, но на работе ей помогли, и она как-то чудом прожила месяц без карточек.

Рассказывала про врачей железнодорожной поликлиники, как они хорошо вылечивали людей, и долго хранила рецепт врача от насморка, который ей очень помог в войну.

На работе в объединении им. Свердлова, где я работала после окончания института (инженерно-экономического), женщины рассказывали, что когда они пешком шли на завод от Финляндского вокзала, то на ул. Арсенальной на тротуаре лежал труп мужчины в замерзшей прозрачной воде, как под стеклом, полгода лежал. Весной, когда растаяло, его убрали. А знакомая по работе Нина Ивановна жила под Ленинградом в занятой немцами деревне. В ее доме жил немец, который все время

им подсказывал, когда приедет начальство и что нужно спрятать в лесу. Вел он себя очень прилично и всегда был доброжелателен.

Когда немцы отступали, он предупредил жителей деревни об этом, и все жители ушли в лес и остались живы.

После войны у мамы очень сильно болела голова много лет. Ведь во время войны ее все время посылали на расчистку завалов после бомбежки. Приходилось работать ночами, без отдыха. Потом она брала Витю домой из детского сада, и снова нужно было идти на работу. Потом, после блокады ей врач посоветовал пить по утрам цикорий с молоком. И боль постепенно утихла.

Мама прожила до 85 лет все в маленькой комнате коммунальной квартиры.

Сейчас нет в живых ни брата, ни мамы, ни сестры. Умер у меня и муж, с которым я прожила 40 лет, как у бога за пазухой. У меня 2 сына, 2 внука и 2 замужние внучки.

Живу я с младшим сыном, его женой и внуком в двухкомнатной квартире. В одной комнате я, в другой – все остальные. Еще с нами живет американская бультерьерша Урсула и кошка. Полный набор!

Старший сын живет с женой и сыном в 2-х комнатной квартире.

Один внук Ваня (живет со мной), учится в музыкальной школе в хоровом отделении, часто выступает с хором на концертах.

Второй внук Вова увлекается спортом, борьбой, плаванием. По борьбе у него уже несколько поясов.

Оба внука увлекаются компьютером. Все живут дружно.

7.11.2012-17.12.2012